

КЪ СТОЛѢТІЮ ПОХОДА ВЪ АВСТРІЮ 1809 г.

Переписка Императора Александра I съ главнокомандующимъ ннземъ Голицынымъ.

(Изъ рукописи ген.-лейт. Михайловскаго-Данилевскаго. Воен. Учен. Арх. № 1848).

Въ началѣ 1809 г. Императоръ Александръ I, узнавъ о выступленіи австрійскихъ войскъ, повелѣлъ обнародовать во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее:

«Миръ между Франціей и Австріей, давно уже колебавшійся, наконецъ совершенно рушился. По послѣднимъ извѣстіямъ австрійскія войска вошли въ герцогство Варшавское и во владѣнія Саксонскія и Баварскія. Такимъ образомъ возгорѣлась паки война, столь недавно на твердой землѣ погасшая, и по общей связи дѣлъ всѣ державы Европейскія паки должны воспріять оружіе...

Всѣдствие сего дано повелѣніе Россійской миссіи немедленно оставить Вѣну; Австрійскому послу, здѣсь пребывающему, объявлено, что съ сего времени дипломатическое его званіе и всѣ сношенія съ нимъ и Дворомъ его пресѣкаются»...

До обнародованія указа Императоръ Александръ I призналъ нужнымъ содержать въ готовности на западной границѣ армію, которая и была ввѣрена генералу-отъ-инфантеріи князю Сергію Фёдоровичу Голицыну.

22-го Мая началось движеніе Русскихъ войскъ.

До Императора Александра I стали доходить слухи о раздорѣ союзныхъ войскъ въ Галиціи и о мнимомъ потворствѣ русскихъ австрійцамъ, слухи тѣмъ болѣе Государю неприятные, что главнымъ предметомъ своей внѣшней политики поставлялъ Онъ тогда сохраненіе съ Наполеономъ союза. Постоянное желаніе Александра I упрочить союзъ выражено почти во всѣхъ бумагахъ, посылавшихся отъ нашего Двора къ французскому, въ письмахъ Императора къ Наполеону, въ отношеніяхъ графа Румянцова къ

Коленкуру и Шампаньи. И когда помыслы Императора были преимущественно обращены на скрѣпленіе связи съ Наполеономъ, клепали небыллицы на русское войско, происками и навѣтами стараясь увѣрить Наполеона въ неискренности союза съ нимъ Россіи, даже говорили, будто нѣкоторые изъ нашихъ генераловъ вмѣсто исполненія Монаршей воли поступаютъ по личному своему мнѣнію, и представили противъ нихъ нѣсколько обвинительныхъ бумагъ. Такое положеніе дѣлъ не могло наконецъ не возбудить подозрѣній Императора Александра, и Онъ послалъ 8-го іюля къ кн. Голицыну рескриптъ слѣдующаго содержанія:

«Приступивъ къ подробнѣйшему разсмотрѣнію статей, въ перепискѣ вашей съ командующимъ Варшавскою арміею содержащихся, не могъ, не замѣтить, что въ умѣ князя Понятовскаго о намѣреніяхъ и образѣ вашего дѣйствія навлечено сильное подозрѣніе. Изъ сего видно, что въ мысляхъ его основалось и утвердилось то предположеніе, что, содѣйствуя ему по наружности, вы благопріятствуете на самомъ дѣлѣ Австрійскому правительству, и что въ цѣли вашего дѣйствія предполагаетъ онъ другія намѣренія и даже другія повелѣнія, и сей образъ понятія подтврждается и другими свѣдѣніями, ко Мнѣ доходящими, какъ усмотрите вы изъ бумагъ, при семъ прилагаемыхъ. Изъяснивъ вамъ въ одномъ изъ рескриптовъ Моихъ при самомъ вступленіи вашемъ въ Галицію, сколь таковыя предположенія считаю Я несовмѣстными, и въ тоже время изобразивъ вамъ точнѣе Мое желаніе, чтобы всякій поводъ къ онымъ былъ съ вашей стороны тщательно преграждаемъ, не безъ удивленія вижу, что подозрѣнія сіи, вмѣсто прекращенія, впослѣдствіи возросли и усилились. Нельзя думать, чтобы они могли возникнуть безъ всякаго основанія, напротивъ изъ свѣдѣній, ко Мнѣ дошедшихъ, примѣчаю, что въ поведеніи нѣкоторыхъ изъ нашихъ генераловъ есть дѣйствительно достаточныя слѣды къ таковымъ, заключеніямъ. Странно вѣрить, но нельзя не примѣтить, что въ мысляхъ ихъ вообразили и составили они себѣ свою систему и свою политику, по коей и считаютъ себя вправѣ дѣйствовать.

Считаю здѣсь излишнимъ изъяснять вамъ снова, сколь поведеніе такое и съ порядкомъ службы, и съ мыслями Моими, и съ общимъ положеніемъ дѣлъ несовмѣстно, Я требую отъ васъ и отъ благоразумія вашего, непремѣнно надѣюсь, что положите вы конецъ симъ недоразумѣніямъ, и вслѣдствіе того: 1) держась начала, правильно вами принятаго и Мною утвержденаго, чтобы мѣста, войсками нашими занятыя, состояли подъ нашимъ управленіемъ; затѣмъ не допускать ни малѣйшаго повода къ заключенію отъ мыслей Моихъ, впрочемъ весьма удаленному, чтобы имѣть въ дѣйствіяхъ нашихъ цѣль различную отъ нашихъ союзниковъ; 2) пользоваться и даже

искать случаев погасить возникшія подозрѣнія, и на самомъ дѣлѣ утвердить противное, дѣйствуя противъ войскъ австрійскихъ всѣми тѣми способами, какіе въ войнѣ обычны, преслѣдуя ихъ силою оружія и занимая сколь можно болѣе мѣсть вооруженною рукою; 3) содѣйствовать Варшавской арміи во всѣхъ тѣхъ военныхъ операціяхъ, кои по расположенію вѣрренныхъ вамъ войскъ представляются возможными и къ общему успѣху дѣла близкими и полезными; 4) паче всего и строго наблюдать, чтобы частные начальники вѣрренныхъ вамъ войскъ не дозволяли себѣ ни дѣломъ, ни словомъ, снаровками или угожденіями разрывать общую связь и дѣйствовать по умствованиямъ ихъ, а не по точности данныхъ имъ повелѣній; 5) при занятіи австрійскихъ мѣсть никакъ не дозволять, чтобы оставались въ нихъ прежніе ихъ австрійскіе начальники, какъ то допущено было въ Лембергѣ съ Вурмсерамъ, коего немедленно смѣнить прикажите, а наполнять мѣста сіи или изъ надежныхъ обывателей Галиціи, или изъ Нашихъ. Мѣра ея нужна и въ томъ отношеніи, чтобы привлечь Намъ довѣріе края, коего жители всегда жаловались на австрійскихъ начальниковъ; 6) Нѣтъ также никакой нужды, ни удобства оставлять австрійскіе доходы въ собственномъ ихъ распоряженіи, какъ то сдѣлано при занятіи Лемберга; доходы непріятели принадлежатъ побѣдителю, слѣдственно суммы сіи должно взять и обратить на военные расходы, въ число суммъ экстраординарныхъ, ведя только имъ вѣрный и особый счетъ.

Въ заключеніе нахожу нужнымъ примѣтить, что изъ письма къ вамъ князя Понятовскаго, а еще болѣе изъ письма къ французскому послу видѣлъ Я, что вы изъяснили ему, будто бы имѣете вы повелѣніе не переходить за Вислу. Трудно Мнѣ понять: на чемъ вы могли основать таковое изъясненіе, тогда какъ въ предписаніяхъ Моихъ вы видѣли совершенно тому противное. Если къ сему образу-понятія приняли вы поводомъ какіе либо слухи или постороннія внушенія отъ австрійской стороны идущіе, то не могу Я себѣ представить, какимъ образомъ могли вы имъ дать какую либо вѣру, и не оградилась свойственною вамъ осторожностью. Ведя открытую войну противъ Австріи, ни скрывать отъ васъ Моихъ намѣреній, ни вводить васъ въ какія либо побочныя заключенія, не имѣлъ Я ни намѣренія, ни причины. Цѣль вѣрренной вамъ арміи извѣстна: она состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать противъ Австріи и дѣйствовать не однимъ движеніемъ, но и силою оружія. Всякое другое изъясненіе вашей цѣли есть внушеніе ложное, отъ единаго ухищренія непріятели происходящее. Я желаю, чтобы, утвердись въ сихъ мысляхъ и не колеблясь ни какими слухами, доставили вы Мнѣ сколь можно скорѣе способъ самымъ дѣломъ опровергнуть изъясненія Мнѣ непріятели и довѣрю Моему къ вамъ совершенно противныя».

Маститый воинъ князь Голицынъ былъ удрученъ печалью, получивъ рескриптъ, заключавшій въ себѣ гнѣвъ Монарха на него и подчиненныхъ ему генераловъ. Въ оправданіе свое представилъ онъ пространное донесеніе. Обзорѣвая событія всего похода и опровергая извѣстія недоброжелателей Россіи, онъ писалъ Императору Александру I:

«Черезъ нѣсколько часовъ послѣ полученія Высочайшаго повелѣнія о выступленіи за границу, были уже три дивизіи въ предѣлахъ Галиціи. Имѣя разрѣшеніе дѣйствовать по усмотрѣнію, и узнавъ, что Австрійцы обратили всѣ силы свои на Варшавскія войска, я рассчитывалъ, что не только сіи послѣднія уступить должны превосходной силѣ австрійской, вѣроятно и могли быть совершенно истреблены. Потому немедленно предписалъ я князю Суворову слѣдовать поспѣшно на пособіе союзникамъ нашимъ, а другимъ двумъ дивизіямъ дальсое согласное тому направленіе. Не краснѣя, могу утверждать передъ цѣлымъ свѣтомъ, что сими распоряженіями спасъ я союзную армію. Когда Австрійцы намѣревались нанести рѣшительный ударъ варшавцамъ, для чего и переправили часть войскъ черезъ Саанъ, чтобы ихъ совершенно отъ насъ отрѣзать, лишь только увидѣли во время атаки казаковъ, оставили тотчасъ всѣ свои выгоды и ретировались, не желая сражаться съ Россійскими войсками. Съ тѣхъ поръ Варшавская армія, подкрѣпленная Россійскою, была совершенно обезпечена и не имѣла ни малѣйшей опасности. Князь Понятовскій не можетъ уличить меня, чтобы я къ нему писалъ или говорилъ, что я не имѣлъ повелѣнія идти на Вислу. Да и можно ли думать, чтобы я къ прикрытію иныхъ видовъ употребилъ ложно имя Государя моего, кого я никогда въ суете не употребляю, а напротивъ правиломъ себѣ поставилъ утверждать вездѣ, что наставленія, данныя мнѣ Государемъ Императоромъ неограниченны, и что если я что дѣлаю, то единственно по собственному благоразсужденію, а потому и остается все на собственной моей отвѣтственности. Я не согласился перейти съ княземъ Понятовскимъ за Вислу, сказавъ ему, что не могу удалиться отъ границъ Россійскихъ, цѣлость коихъ болѣе у меня на душѣ, нежели завоеваніе чужой земли. Притомъ объявилъ ему, что побудительныя къ тому причины суть повсемѣстное вооруженіе и вербованіе, а равно и возмутительная переписка его единомышленниковъ съ жителями губерній, присоединенныхъ отъ бывшей Польши къ Россіи. Убѣжденный сими доводами, онъ просилъ у меня хотя одной дивизіи или части оной, которая могла бы дѣйствовать съ нимъ на лѣвомъ берегу Вислы; но на сіе я согласиться не могъ. Считаю несовмѣстнымъ и даже невозможнымъ быть Россійскому генералу въ командѣ у генерала Варшавскихъ войскъ, однакожь приказалъ 10-й дивизіи, въ случаѣ надобности, содѣйствовать арміи Варшавской, и

ежели непременно обстоятельства потребуютъ, то и перейти черезъ Вислу. Съ сего времени, согласно волѣ Вашего Величества, старался я сколь можно усилиться въ Галиціи. Австрійцы нигдѣ не держались, и только что узнають о приближеніи нашихъ, то тотчасъ оставляютъ занимаемыя ими мѣста. Такимъ образомъ дошелъ я до рѣки Дунаецы, за которою находившіеся австрійцы показали видѣ, что не намѣрены перепускать насъ за оную; но и тутъ, коль скоро я приказалъ дѣлать всѣ приготовленія къ построенію моста черезъ рѣку сію, то тотчасъ начали отступать, что самое было даже и причиною, что они и Краковъ оставили. Если я не имѣлъ съ ними большаго сраженія, такъ не по моей винѣ. Не естественно принудить драться того, который отъ боя уходитъ, да я и не обрѣталъ довольно побудительной причины искать непременно сразиться съ австрійцами, а считалъ навѣрное, что если я займу землю безъ кровопролитія и сберегу армию мнѣ ввѣренную, то тѣмъ болѣе сдѣлаю угоднаго Августѣйшему моему Монарху.

Если сіе самое принимаютъ союзники наши за согласіе мое съ непріателемъ, то они весьма грубо погрѣшаютъ, ибо если бы я былъ въ тѣсномъ союзѣ съ онымъ, то не было бы у меня раненаго подполковника и убитыхъ и раненыхъ нѣсколько человекъ нижнихъ чиновъ въ небольшихъ сшибкахъ, а равно не могъ бы я отправить въ предѣлы Россійскіе болѣе 100 человекъ плѣнныхъ австрійцевъ. Говорятъ, что австрійцы болѣе боялись русскихъ, нежели варшавскихъ воиновъ, то также не моя вина. Союзники наши, не знаю почему, подозрѣвая насъ въ связи съ австрійцами, выдумываютъ нелѣпныя происшествія, никогда не случавшіяся. Сему примѣромъ служить можетъ донесеніе капитана Гембаржевскаго, будто бы нѣсколько австрійскихъ гусаровъ пили въ добромъ согласіи съ нашими казаками. Ваше Величество изволите усмотрѣть изъ подносимыхъ здѣсь слѣдствій, учиненныхъ Г. А. Васильчиковымъ, и свидѣтельства Сандомирскаго магистрата, опровергающемъ совершенно ложное донесеніе Гембаржевскаго, сколь мало вѣроятія заслуживаютъ подобныя повѣсти.

Неоспоримо есть обоюдная ненависть между обѣими арміями. Она происходитъ отъ презрѣнія русскихъ къ войску, составленному изъ поляковъ. Легкомысліе, пустая кичливость и нелѣпныя разглашенія ихъ о возстановленіи Королевства Польскаго, ежедневно увеличиваютъ вражду. Но подчиненные мои не выходятъ изъ границъ повиновенія. Самое презрѣніе къ союзникамъ не въ силахъ удалить ихъ отъ исполненія своего долга, а тѣмъ менѣе побудить къ тѣсной дружбѣ съ непріателемъ какого бы роду онъ ни былъ. Я не могу не отдать справедливости генераламъ, подъ начальствомъ моимъ служащимъ. Они всѣ водимы однимъ духомъ со мною, и смѣю отвѣчать.

за нихъ, что ни какая политика или собственная умственность не въ состояніи склонить ихъ къ чему либо иному, какъ къ точному исполненію моихъ предписаній. Благодаря Всевышняго! Согласіе водворено въ арміи, мнѣ вѣрноподданной; коварство и интриги не имѣютъ здѣсь мѣста; нѣтъ подъ начальствомъ моимъ человѣка, который бы не жаждалъ доказать на дѣлѣ, что онъ настоящій сынъ отечества, и въ совершенномъ смыслѣ вѣрноподданный Вашего Величества. Воины не знаютъ политики. Намъ не нужно разбирать причины, побудившія Государя къ войнѣ. Довольно намъ Его изрѣченія: «Се враги мои!» И мечи наши извлекаются на пораженіе оныхъ, кто бы они таковы ни были. Государь! Я въ полномъ смыслѣ русской, а потому Ваше Величество можете быть покойны на счетъ вѣрности моей и увѣрены, что никакая противоудѣствующая политика не довольно сильна поколебать принятыя мною одинъ разъ на всегда правила.

Рапортъ Варшавскихъ войскъ подполковника Брецинскаго, приложенный при Высочайшемъ повелѣніи Вашего Величества, никакого вѣроятія не заслуживаетъ, и что единая зависть побудила его сдѣлать подобное донесеніе, что доказывается тѣмъ, что сей самый Брецинскій былъ въ Лембергѣ комендантомъ, когда сей городъ заняли Варшавскія войска.

Больно было мнѣ читать, что человѣкъ, никакого вниманія не заслуживающій, осмѣливается чернить достойнаго генерала Меллера-Закомельскаго, утверждая, что онъ купленъ австрійцами. Принужденнымъ нахожусь сказать, что въ числѣ людей значущихъ, принадлежащихъ къ составу вѣрноподданной мнѣ арміи, нѣтъ такового, который бы могъ быть купленъ непріятелемъ, а тѣмъ менѣе Меллеръ, достоинства коего, безъ сомнѣнія, и Вашему Величеству извѣстны.

Подполковникъ Брецинскій говоритъ, между прочимъ, въ своемъ рапортѣ, что почта изъ Кракова проходитъ безпрепятственно черезъ нашъ кордонъ. Справедливо, да и я не вижу причины, для чего ее задерживать, потому что она не можетъ миновать главной моей квартиры, въ которой она свидѣтельствуется. Напротивъ, Варшавскія войска задерживаютъ теперь иностранную почту въ Краковѣ отчего многое тамъ происходящее не доходитъ, какъ прежде, до свѣдѣнія моего.

Что принадлежитъ до управленія австрійскими мѣстами, занимаемыми Россійскими войсками, осмѣливаюсь донести: австрійскіе чиновники не упраздняются для того, чтобы не остановить хода дѣлъ, ибо наполнять сіи мѣста обывателями или нашими офицерами не первый разъ весьма затруднительно, да и невозможно, ибо введенный порядокъ въ правленіи австрійскомъ весьма многосложный, требуетъ людей опытныхъ и пріобрѣтшихъ уже къ оному. Здѣшніе обыватели, по краткости времени, намъ еще неизвѣстны, слѣдственно и

довѣрія сдѣлать имъ не можно, а изъ нашихъ офицеровъ едва набрать можно комендантами въ нѣкоторые города по незнанію нѣмецкаго языка. Впрочемъ, чиновники сіи ничто иное, какъ исполнители повелѣнія властей, отъ арміи поставленныхъ. Когда Лембергъ занятъ былъ нашими войсками, то гр. Вурмзеръ, губернаторъ обѣихъ Галицій, находился въ ономъ и оставленъ былъ на нѣкоторое время для того только, чтобы черезъ него получить легчайшимъ способомъ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ управленію сею землею. По исполненіи чего, гр. Вурмзеръ мною отозванъ. Г. М. баронъ Меллеръ-Закомельскій назначенъ мною военнымъ губернаторомъ въ Лембергъ, и въ управленіе его поручена вся гражданская часть занимаемой нами части Галиціи. Во всѣхъ городахъ, гдѣ есть крейсъ-амтъ, опредѣлены коменданты, и всѣ дѣла текутъ подъ надзоромъ російскихъ чиновниковъ.

Поелику мѣста сіи заняты были прежде Варшавскими войсками, а потомъ австрійскими, слѣдовательно всѣ казнѣ принадлежащія суммы исчерпаны, и намъ весьма мало досталось. Теперь дѣлается счетъ всѣмъ доходамъ, и какъ наличныя деньги, такъ и впередъ поступаемыя подати причислены будутъ къ экстраординарной суммѣ съ тою только отмѣною, что имъ веденъ будетъ особый счетъ.

Соляныя ломки въ Величкѣ и Ботніи достались въ удѣлъ намъ, и я прискиваю способы обратить хотя часть приготовленной тамъ соли въ деньги.

Коль скоро окончено будетъ дѣлаемое по препорученію моему описаніе всѣхъ доходовъ и (на лицо состоящимъ деньгамъ, то не умедлю донести о всемъ въ подробности. Изложивъ все, служащее къ оправданію моему передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить быть увѣрену, что польза Отечества для меня священна, а воля Государя—мнѣ законъ».

Въ отвѣтъ Императоръ Александръ 2-го августа удостоилъ князя Голицына слѣдующимъ рескриптомъ:

«Въ донесеніи вашемъ пріятно Мнѣ было видѣть ясность и единство правилъ, коими въ дѣлѣ, на васъ возложенномъ, вы руководствовались. Никогда не сомнѣвался Я ни въ твердости вашихъ расположеній, ни въ чувствахъ приверженности, на коихъ они основаны. Изображая вамъ дошедшія до Меня свѣдѣнія о возникшихъ со стороны Варшавскихъ войскъ подозрѣніяхъ, Я желалъ вамъ означить, сколь усиленно стараются возбудить сіи подозрѣнія, и сколь нужно отражать ихъ вашимъ поведеніемъ. Обнаруживъ ихъ вамъ, тѣмъ самымъ Я уже былъ удостовѣренъ, что употребите вы всѣ мѣры къ истребленію ихъ въ самомъ ихъ источникѣ».

Сообщилъ М. П.